

другими соображениями, и великий князь поручил Лазареву повести этот штурм. Когда это было решено и начальство над штурмом отдано было Лазареву, многие говорили, что половина дела уже сделана – до того вера войска в Лазарева и любовь к нему были

велики. Мысль о ночном штурме тоже вызвала в среде военного совета оживленные споры, но и тут великий князь дал перевес голосу Лазарева, считавшего ночь одним из главных условий успеха» (*Мецкерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 394).

УДК 343.123.52 (470 – 82) (09)

«МЕЖДУ НАКОВАЛЬНЕЙ ЗАКОНА И МОЛОТОМ ИСТОРИИ»: УЧРЕЖДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

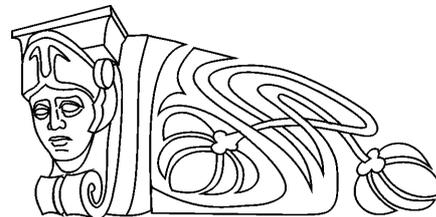
Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена проблеме создания и деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). Исследуются причины учреждения комиссии в марте 1917 г., ее цели и задачи, организационная структура и кадровый состав. Автор обращает внимание на то, что работа комиссии проходила в острой и противоречивой революционной обстановке. В статье анализируется концепция председателя комиссии Н. К. Муравьева, видевшего смысл ее работы в юридической «ликвидации» старого режима, а также исследуется правовая парадигма новой власти, основанная на приверженности соблюдению законов, и опровергается характеристика комиссии как карательного органа. Вместе с тем подвергнуты критике взгляды историков, видевших основную цель ЧСК в исполнении идейно-политического заказа Временного правительства для обоснования легитимации своей власти, и сделан вывод о том, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В связи с этим говорить о провале деятельности комиссии неправомерно, так как у нее был высокий профессиональный потенциал и многообещающие перспективы, но ее работа была прервана Октябрьским государственным переворотом.

«Between an Anvil of the Law and Ground Histories»: Establishment of Extreme Committee of Inquiry of Vremennoye Government»

Y. V. Varfolomeev

Clause is devoted to a problem of creation and activity of Extreme committee of inquiry of Vremennoye Government. In work the reasons of establishment of the committee in March, 1917, its purposes and a problem, and also organizational structure and personnel structure are investigated. The author pays attention that work committee passed in sharp and inconsistent revolutionary conditions. In clause the concept of chairman committee of N. K. Murav'eva seen sense of its work in legal "liquidation" of an old mode also is analyzed, and also the legal paradigm of new authority based on adherence to observance of laws is investigated, and the characteristic of the commission, as retaliatory body is denied. At the same time, in clause are criticized sights of the historians seen basic purpose Extreme committee of inquiry in execution of the ideological and political order of Vremennoye

Government for a substantiation legitimate of the power. In clause it is drawn a conclusion that for short term, and in the most complicated military-political conditions committee has performed huge volume of work. In this connection to speak about a failure of activity of the commission it is wrongful, as it had high professional potential and promising prospects, but its work has been interrupted by October revolution.

Одним из приоритетных по времени и значимости распоряжений Временного правительства стало учреждение Чрезвычайной следственной комиссии¹. Уже на второй день, после того как был сформирован кабинет министров, А. Ф. Керенский в беседе с корифеем русской адвокатуры Н. П. Карабчевским назвал одной из первоочередных задач новой власти «...не терпящее ни малейшего отлагательства»² учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования деятельности бывших царских министров и других высших должностных лиц. Пожалуй, наиболее точно новоиспеченный министр сформулировал свои ожидания по поводу предстоящей деятельности комиссии в ответе на вопрос С. В. Завадского: «...ждет ли он <...> строго судейского отношения к делу, или чего-нибудь иного?». Отвечая на этот принципиальный вопрос, Керенский просто и, как показалось сенатору, искренно сказал, что «...желает только раскрытия правды (здесь и далее подчеркнуто мною. – Ю. В.)»³.

В доверительной беседе с Карабчевским министр юстиции сообщил также, что он уже нашел подходящего кандидата на пост председателя этой комиссии – известного политического защитника Н. К. Муравьева. «В прошлые времена, – с деланным юмором заметил Керенский, – трепетали перед Муравьевым-Виленским, пусть же теперь и наш Муравьев нагонит трепета»⁴. Конечно же, Керенский имел в виду трепет низвергнутых сановников не от репрессий, а перед объективным, беспристрастным расследованием и справедливым судом, которые основаны на приоритете законности. Но, думается, еще более глубокий смысл вложил в понятие «трепет» его коллега Муравьев: «Без трепетного искания истины представителями общества невозможно отправление правосудия»⁵. Судя по всему, как раз

в этом и должна была заключаться по замыслу новой власти гармония «закона» и «трепета» в интерпретации ЧСК. Именно поэтому «Столбовой адвокат»⁶, каким ощущал себя Муравьев, думается, и согласился занять, по сути, «генерал-прокурорскую» должность.

Подбор кандидата на высокую и ответственную должность председателя ЧСК осуществлялся не по принципу совпадения фамилии с печально известным реакционером М. Н. Муравьевым-«Вешателем», и, тем более, не по принципу нагнетания страха через революционный террор новым карателем – его однофамильцем Муравьевым. В данном случае, в приватной беседе, Керенский позволил себе лишь сочинить политический каламбур, блеснув, как ему казалось, эрудицией и чувством юмора. На самом деле, решение о назначении Н. К. Муравьева председателем ЧСК было со стороны новой власти серьезным и всесторонне взвешенным. Думается, что были приняты во внимание несколько важных аспектов его жизни и деятельности. Во-первых, это, конечно, принадлежность «внефракционного социал-демократа» Муравьева к лагерю освободительного движения. Во-вторых, его богатейший юридический и политический опыт из области участия в судебных процессах по государственным преступлениям, охватывающий как минимум пятнадцатилетний период. «Муравьев – популярный уголовный защитник по политическим делам, – представлял его А. А. Демьянов, – знал почти всю Россию и хорошо познакомился с деятельностью судебных чинов»⁷. В-третьих, нельзя отрицать наличие организаторских способностей у лидера синергии «молодая адвокатура»⁸ и организатора первых российских профсоюзов. В-четвертых, в адвокатской корпорации Муравьев имел безупречно заслуженное реноме «блюстителя нравственности» сословия, пользовался репутацией человека, который «...никогда и ни при каких обстоятельствах не говорил неправды. Никогда не отступал от своих принципов»⁹. И, наконец, в-пятых, он превыше всего ставил идею справедливости в деле отправления правосудия. «Не меньше, чем органам власти, а, может быть, и больше их ведомая и близкая обществу, народу, широким его кругам, которые через своих представителей принимают живое участие в отправлении правосудия страны, идея справедливости играет решающую роль в постановлении общественного приговора...»¹⁰, – считал Муравьев.

Развивая свои мысли о перспективах следствия над высшими чиновниками царского режима, Керенский особо подчеркнул соблюдение правовых норм: «...я не отступлю от своих принципов, базирующихся на вере в человека, – патетично подчеркнул он. – Основной принцип мой – суд присяжных. Дело бывших министров также будет передано этому суду»¹¹. Но, как оказалось, эту идею позиционирования суда присяжных в качестве основного принципа правосудия и, в данном

случае, в качестве предстоящего вершителя судеб царских чиновников разделял и будущий председатель ЧСК Муравьев. «Суд – проявление не одной государственности, – утверждал Муравьев, – суд есть также и явление общественной жизни, потому что в нем воплощается не только формальная идея **права**, но также и идея **справедливости**. <...> Все общество, весь народ заинтересованы в постановлении справедливого приговора теми двенадцатью, которые избраны обществом, чтобы принять участие в создании приговора»¹².

В противоречивой революционной обстановке, когда медленно, но неуклонно шло формирование правового демократического государства, идеи Н. К. Муравьева об ответственности всего общества за решение суда присяжных звучали весьма актуально. «В суде справедливость внутренняя, начало субъективное преобладает над формальным, объективным, законным, внешним, – полагал Муравьев. – Вот почему в праве суда, которое во всяком культурном обществе не может быть целиком делегировано органам государственной власти, – в праве суда есть нечто иррациональное, не поддающееся одному только логическому, формальному анализу, почему оно и мыслится некоторыми как **право божественное**. <...> Несправедливость суда не есть только дело государственной власти, оно есть дело национальное. За тех двенадцать, которые являются активными участниками суда, чувствуют себя ответственными все...»¹³.

Итак, 5 марта 1917 г., был опубликован Указ Временного правительства Правительствующему Сенату, в постановляющей части которого говорилось: «Учредить верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц»¹⁴. Правда, под названием «верховой» она просуществовала недолго. Буквально на следующий день, Керенский «явочным порядком» переименовал комиссию в «чрезвычайную», и таким образом «...сконструировалась и первая чека, – открывал с нее счет «чрезвычайкам» Каффов, – чрезвычайная следственная комиссия, – под председательством московского присяжного поверенного, социал-демократа¹⁵ Муравьева»¹⁶. По мнению С. В. Завадского, изменение названия, вероятно, произошло потому, что прежнее напоминало о многочисленных «верховных» комиссиях, существовавших при самодержавии¹⁷, а любые аналогии со свергнутым режимом претили «заложнику революционной демократии». 11 марта было утверждено положение, регламентирующее деятельность ЧСК, которое определяло, что комиссия учреждалась «при министре юстиции, в качестве генерал-прокурора», а председатель комиссии получил права товарища министра юстиции, в данном случае в его ранге генерал-прокурора¹⁸. Кроме того, председателю было

предоставлено право привлекать «для участия в делопроизводстве комиссии» как должностных лиц (по соглашению с их непосредственным начальством, и с сохранением за ними их постоянных должностей и окладов), так и частных лиц. 17 марта председатель ЧСК Н. К. Муравьев провел первое заседание, на котором определил задачи и порядок работы комиссии. «Муравьев очень энергично повел свое дело»¹⁹, – констатировал Демьянов.

В своей деятельности комиссия руководствовалась рядом законодательных актов. Прежде всего, это было положение о Чрезвычайной следственной комиссии от 11 марта 1917 г., которое регламентировало права и обязанности должностных лиц комиссии: «Для выполнения возложенного на комиссию поручения лицам, командированным для производства следственных действий, предоставляются все права и на них возлагаются обязанности, принадлежащие следователям по уставам уголовного судопроизводства, военно-судебному и военно-морскому судебному, с соблюдением нижеследующих правил:

1. Возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемых, а также производство осмотра и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции производятся с ведома и соглашения чрезвычайной следственной комиссии.

2. Лица, производящие следствия, имеют право требовать личной явки для допроса всех лиц, означенных в примечании к ст. 65 Уст. Угол. Суд.

III. Чрезвычайной следственной комиссии принадлежит право давать предложения лицам, производящим следственные действия, и постоянное наблюдение за совершением таковых действий»²⁰.

Впоследствии это положение было дополнительно следующим постановлением:

«III. Чрезвычайной следственной комиссии предоставляется право расследовать преступные деяния, учиненные лицами, перечисленными в отд. 1 сего положения, хотя бы во время их совершения лица эти и не состояли в указанных в отд. 1 должностях или вообще на службе, а также и иные преступные деяния, учиненные должностными и частными лицами, если комиссия признает, что эти преступные деяния имеют тесную связь с деяниями, подлежащими расследованию комиссии, согласно отд. 1.

IV. При комиссии состоят лица, назначаемые министром юстиции для наблюдения за производством предварительных следствий. Лица эти пользуются указанными в уставе уголовного судопроизводства правами лиц прокурорского надзора, наблюдающих за следствиями, за исключением права непосредственного предложения производства следственных действий»²¹.

В ЧСК входили следующие структурные подразделения: президиум, канцелярия, счетная часть, комиссия по составлению отчета о деятель-

ности ЧСК, комиссия для разработки спорных юридических вопросов, 27 следственных частей и одна «особая» следственная часть, а также камера хранения вещественных доказательств. В основном составе комиссии были задействовано 55 следователей, опытных профессионалов, прекрасно знающих свою работу. До сих пор исследователями приводились противоречивые данные о численном составе следственной бригады ЧСК. Так, историк А. Л. Сидоров насчитал 27 следователей²², – наверное, по числу следственных частей, занимавшихся расследованием различных криминальных сюжетов. Одним из первых поставил эту цифру под сомнение И. С. Розенталь: «...25 (по другим данным – 59) “пристегнутых” к комиссии следователей»²³. Возможно, это разночтение кроется, отчасти, и в том, что даже сам председатель комиссии в докладе на съезде Советов сообщил: «У нас в основной комиссии работает 25 следователей»²⁴. Маловероятно, что он ошибся или оговорился. Думается, что он имел в виду руководителей следственных частей, а не весь состав следственной группы. В связи с этим представляется важным то обстоятельство, что по архивным документам удалось восстановить общее число и персональный состав следственного корпуса ЧСК. Всего, за весь период работы комиссии, иногда сменяя друг друга, расследованием занимались 55 следователей-«техников»²⁵.

Во главе комиссии был президиум, «который состоит из двух частей, – пояснял Муравьев, – из части общественной и части деловой»²⁶. Президиум определял направление деятельности комиссии, разрешал вопросы о возбуждении, направлении и прекращении следственных действий и проводил допросы лиц по возникшим делам. «К ведению президиума комиссии, – вспоминал Завадский, – в коллегиальном составе относилось как привлечение в качестве обвиняемых, так и дальнейшее направление оконченных следствий»²⁷.

Правда, один из следователей ЧСК С. А. Коренев, умаляя объем и важность работы президиума, утверждал, что этот орган «...делает лишь постановления о привлечении к ответственности, дает свои заключения по законченным следствиям, утверждает и изменяет меры пресечения и дает общие руководящие указания»²⁸. Конечно, на группу следователей ЧСК легла колоссальная нагрузка, но это, тем не менее, не оправдывает подобную позицию Коренева, принижавшего деятельность президиума, тем более что он почему-то «забыл» сказать о самой «малости» в работе этого руководящего органа, а именно, – о проведении многочисленных допросов подследственных ЧСК.

Деловая часть состояла из председателя комиссии Н. К. Муравьева, двух его заместителей – сенаторов С. В. Иванова²⁹ и С. В. Завадского³⁰, и четырех членов комиссии. По поводу назначения своих заместителей Муравьев вспоминал: «Мо-

ими товарищами председателя были назначены, по желанию Временного правительства, двое сенаторов, в том числе Сергей Валентинович Иванов, приобретший перед тем известность своим участием в протесте против смертной казни. Вторым товарищем председателя был сенатор Завадский...»³¹. Оценка персонального состава президиума ЧСК подследственным Кафафовым еще раз подчеркивает ее разнородный и даже противоречивый характер: «Я должен совершенно искренно признаться, что меня лично возмущало присутствие в этой комиссии не Муравьева, Соколова, Родичева и др. – это было так естественно, а вот присутствие там вчерашних наших сослуживцев: Завадского, Иванова и Смиттена и др., из которых Завадский оказался даже товарищем председателя, вот присутствие их глубоко возмущало душу, ведь они вызвались судить своих вчерашних сослуживцев и даже начальников, как, например, Щегловитова и Макарова, при которых и благодаря которым сделали свою блестящую служебную карьеру. И все это для того только, чтобы отличиться, войти в историю в качестве членов первого революционного судебного трибунала»³².

С другой стороны, этими высокими назначениями из числа бывших влиятельных деятелей царской юстиции, правительство, по мнению Муравьева, демонстрировало особую значимость и высокий уровень комиссии. Тем более, что сам председатель по принципиальным соображениям «...не хотел принимать звания сенатора, желая сохранить линию “республиканской” простоты и, одновременно с уничтожением прежнего чиновничества, свое отрицательное отношение к прежним “званиям”», и свою позицию он объяснял следующим образом: «Я полагал, что сенаторские “назначения” не для нас, старых общественных работников, и что смену личного состава сенаторов можно произвести за счет тех чиновников старого режима, которые шли вместе с освободительным движением и которые поэтому стояли в оппозиции к прежнему правительству»³³. Даже пристрастный Завадский «...не замечал, чтобы Муравьев мечтал о сенаторстве: по моим наблюдениям, его скорее манила должность товарища министра»³⁴. В устах Завадского последнее замечание звучит, по меньшей мере, странно. Муравьева не могла «манить» должность товарища министра, так как в ранге председателя комиссии он, в соответствии с положением о ЧСК, этой должности уже соответствовал.

Несмотря на большую загруженность и крайне сложную внутреннюю и внешнеполитическую обстановку в стране, все министры юстиции Временного правительства, начиная с первого, постоянно держали работу комиссии в поле своего зрения, а Керенский сохранил особый, неослабевающий интерес к ней и после того, как стал премьером. Он постоянно следил за ключевыми криминальными сюжетами, расследу-

емыми ЧСК, а также интересовался показаниями подследственных. Об этом, в частности, поведал секретарь комиссии А. А. Блок: «...председатель поручил мне отредактировать к завтрашнему дню (для Керенского) всю вторую половину допроса Хвостова (толстого)»³⁵.

Весьма показателен и тот факт, что за неполных 8 месяцев деятельности демократического правительства сменилось 5 министров юстиции³⁶, но все это время бессменным председателем ЧСК оставался Муравьев. Кстати, и состав возглавляемой им комиссии за весь период работы также претерпел весьма незначительные изменения, в основном за счет ротации внутри ведомства и притока новых сотрудников. «Будучи близким свидетелем министерской чехарды, в частности, и, в особенности в министерстве юстиции, я, – объяснял этот феномен сам Муравьев, – еще летом 1917 года убедился, насколько верна была выбранная мною линия уклонения от участия в министерстве и пребывания в стороне от политической каши»³⁷. Хотя он прекрасно владел знанием общественно-политической обстановки в стране, и всегда имел свое мнение по той или иной актуальной проблеме. Характерный момент запечатлел А. А. Блок: «20 мая. Утро в Зимнем дворце. <...> Муравьев, откинувшись, говорит о государственных делах»³⁸.

Не следует забывать, что комиссии пришлось работать в острой и противоречивой революционной обстановке – на перекрестке многополярных общественных мнений и жестко противоборствующих политических сил. В то же время деятельность ЧСК была прозрачной и гласной для общества настолько, насколько позволяла специфика ее работы, «...которая по необходимости, в силу поставленных ею задач, – отмечал Муравьев, – должна проходить, несколько скрытно. Иной способ ведения дел мешал бы нашему делу...»³⁹. Некоторые моменты расследований все-таки были доступны для прессы, поэтому в печати периодически появлялась информация о ходе ее работы, а 26 июня, всего лишь через 3,5 месяца после учреждения ЧСК, Муравьев, подводя промежуточные итоги деятельности возглавляемой им комиссии, выступил с докладом на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов.

Необычайно метко охарактеризовал положение ЧСК и ее председателя сенатор А. Ф. Кублицкий-Пиотух: «...я вижу уже, что Чрезвычайная следственная комиссия стоит между наковальной закона и молотом истории»⁴⁰. Если перефразировать его выражение применительно к той обстановке, то более точно следовало бы сказать, что ЧСК находилась между наковальной закона и молотом революции. Думается, что и сам Муравьев прекрасно понимал, в какой сложной ситуации предстоит ему работать. Даже чисто внешние, первые впечатления председателя ЧСК от столицы не вселяли оптимизма и радужных

иллюзий по поводу размеренной и стабильной работы комиссии. Казалось бы, сами уличные «декорации» переломной эпохи настраивали на тяжелую и неблагодарную работу: «...следы обстрела на зданиях, в особенности на перекрестках улиц, самодельные красные флаги, в значительной степени уже успевшие полинять, как знамение победы, не прибиравшиеся в течение нескольких дней, раньше такие чистые и чинные улицы Петербурга, – с нескрываемым разочарованием отмечал Муравьев, – толпы народа, среди которых много солдат, чувствовавших себя победителями и потому предававшихся блаженному ничегонеделанию; летучие митинги у памятника Александру III против Николаевского вокзала»⁴¹. Председатель ЧСК еще не раз будет иметь возможность удостовериться в своих тревожных предчувствиях в те моменты, когда отголоски политической стихии масс будут врываться в деятельность комиссии и нарушать содержание и ритм ее работы.

Главная цель ЧСК, для достижения которой она собственно и учреждалась (кстати, это было обозначено даже в ее названии), – расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств. По завершении своей работы, как это определялось положением о ЧСК, она должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству»⁴². Наряду с этим ЧСК готовила следственные материалы и для представления Учредительному собранию.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель комиссии Муравьев уточнял, что Временное правительство пришло к мысли «...создания чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима»⁴³. В то же время он справедливо указал на то, что работа комиссии в такой постановке могла бы оказаться безбрежной, и поэтому пришлось ограничить ее задачи более конкретной целью – «...ликвидация старого режима»⁴⁴. Правда, вкладывая в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под «ликвидацией старого режима» Муравьев имел в виду изобличение и ликвидацию практики и традиций нарушения законов, превышения должностных полномочий и др. правонарушений высших должностных лиц Российской империи. Именно за эти «прегрешения» должны были «...судить представителей старого режима»⁴⁵.

Согласно положению о ЧСК, т.е. с формальной точки зрения, на комиссию были возложены только следственные задачи, таким образом, никакими политическими полномочиями де-юре она не наделялась, и никто из членов комиссии,

включая ее председателя, не пытался себе их присвоить. Несмотря на это, советский историк А. Я. Аврех утверждал, что «речь шла, разумеется, об идейно-политической “ликвидации”, ибо фактическая ликвидация была совершена помимо ЧСК»⁴⁶. Действительно, фактическая ликвидация самодержавия состоялась в феврале 1917 г., вместе с ней, а может быть и раньше (если иметь в виду громкие разоблачения и бичевание режима с трибуны Государственной думы), состоялась идейно-политическая ликвидация царизма. Поэтому говорить о повторном идейно-политическом штурме разрушенных бастионов самодержавия некорректно. «Не надо забывать, – напоминал Муравьев, – что наша цель – ликвидация старого режима, ликвидация уголовно-судебная (через суд) и ликвидация политическая (через Учредительное собрание)»⁴⁷. В этой позиции председателя ЧСК совершенно четко просматривается разделение функций различных органов власти. Комиссия, по материалам следствия, дает правовую оценку преступлениям высших должностных лиц и деятельности институтов старой власти, а Учредительное собрание ставит окончательную точку в политической судьбе самодержавия. Можно предположить, что логика Муравьева в данном случае была такова: ЧСК готовит обвинительные заключения по всем злободневным сюжетам общественно-политической жизни страны последних двенадцати лет. Учредительное собрание с учетом этого и, безусловно, наряду с другими важными моментами должно было принять решение о будущем страны, имея в виду политическое устройство и государственную строй новой России. Именно с данной точки зрения политико-правовой опыт свергнутого режима был крайне важен.

Вокруг проблемы учреждения, целей и деятельности ЧСК с момента ее возникновения и до сих пор идут острые дискуссии. Эти оценки весьма полярные и часто несправедливые. Одни видели в комиссии карательный орган, который расправится с невинными жертвами, другие – политический заказ партий, сформировавших Временное правительство с целью легитимации своей власти. Наиболее точно передал мнение обеспокоенных современников о комиссии как о скандальном учреждении А.Ф. Кублицкий-Пиоттх: «...“повесят” <...> людей юридически невинных, – неудачно и мрачно пророчествовал он. – Предъявить обвинения можно к Протопопову, Сухомлинову, пожалуй, Щегловитову, но чем виноват, например, Стишинский? Просто крайние правый, хотя и неприятный. Вырубова, конечно, “мерзавка”, но кому какое дело, что она жила с Распутиным?»⁴⁸ Если даже уважаемый сенатор в этой фразе продемонстрировал, по меньшей мере, незнание ситуации и задач ЧСК, то что же можно говорить о большинстве обывателей, живших в то время в атмосфере немислимых слухов и глухих предубеждений?

Безусловно, материалы следствия давали ценную и разностороннюю информацию для политических выводов, но цели ЧСК отражали, прежде всего, юридический характер ее деятельности. Кстати, в своем докладе Первому Всероссийскому съезду Советов председатель ЧСК определил ее деятельность «...делом первостепенным или, во всяком случае, очень большой исторической важности», – политической, или, еще точнее, – государственной. Таким образом, в ракурсе этого государственного подхода «...мы ведем широкое политическое расследование, – пояснял Муравьев, – с этой точки зрения мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач, но вместе с тем это соотношение придаст нашим будущим процессам громадное значение и интерес; оно вкладывает в них громадное общественное [и] политическое содержание»⁴⁹.

За подобное понимание задач, возложенных на комиссию, Завадский, не разобравшись в сути проблемы, критиковал своего руководителя: «Задачи Муравьева были безбрежные: он думал об истории, – утверждал сенатор. – Мои гораздо скромнее: я думал о правосудии и о судьбе лиц, уже лишенных свободы в ожидании нашего расследования. В его голове предносился будущий, чуть ли не ученый, труд о недостатках павшего режима. В моей голове копошились планы беспристрастного и быстрого следствия»⁵⁰. Трудно согласиться с Завадским в том, что Муравьев, думая о важном предназначении и глобальных итогах работы комиссии, забывал при этом о быстром и беспристрастном ведении следствия и соблюдении правосудия. Именно председатель ЧСК от имени всей комиссии с полной ответственностью заявлял: «...мы принципиально воздерживаемся от каких бы то ни было натяжек в старом режиме. <...> Мы хотим, чтобы этот упрек, который так заслужили люди по политическим процессам, работавшие в старое время, мы от этого упрека свободны, и поэтому мы принципиально не допускаем в этом отношении никаких натяжек и мы берем только то, что является бесспорным»⁵¹.

Как видим, здесь налицо разные подходы: Завадский, как дока-законник, искушенный судейский чиновник, понимал задачи комиссии в узко-специальном смысле, как обычную прокурорско-следственную работу. В то время как Муравьев мыслил в широком масштабе и позиционировал комиссию именно как Верховную следственную комиссию⁵² (кстати, в своем докладе он несколько раз назвал ЧСК «Верховной» комиссией), понимая ее экстраординарность и особый статус, и в этом смысле предполагал комплексный подход в решении ее задач. Он придавал большое значение всестороннему и глубокому изучению материалов следствия. Как всегда, например, при подготовке к политическому процессу, его интересовали все стороны дела – и криминальная, и моральная, и политическая, и психологическая, и экономическая, и этносоциальная. Именно этот комплексный

подход он старался внедрить и в практику работы комиссии.

Всю картину последних лет и месяцев павшего режима комиссия старалась рассматривать целиком, комплексно, и, в каком-то смысле, ее работа действительно носила исследовательский характер. Муравьев настолько проникся этой идеей, что упомянул об этом в своем докладе на съезде: «...мы рассматриваем целиком, мы разворачиваем всю картину месяцев и годов павшего режима с известной точки зрения, мы ведем <...> широкую расследовательскую работу...»⁵³ Да, именно расследовательскую, а не следственную работу. Думается, что Муравьев не случайно использовал это необычное слово – «расследовательская» (работа). Неологизм, предложенный председателем ЧСК, представлял собой своеобразное смешение двух понятий – «исследовательская» (работа) и «расследование». Как опытный юрист, он прекрасно разбирался в терминологии, поэтому здесь не может быть его ошибки или оговорки. Судя по всему, таким универсальным словом Муравьев еще раз подчеркивал две задачи, которые выполняла комиссия – исследование деятельности властной элиты России в широком политическом и историческом смысле, а также расследование преступлений царских сановников «по должности» – в узком юридическом.

Но, безусловно, главное предназначение ЧСК заключалось все-таки в криминализации действий, совершенных высшими должностными лицами империи – каким образом те или иные деяния подходили под действие статей уголовного законодательства. Эту работу вела следственная часть комиссии. Муравьев назвал эту деятельность «криминализацией» в том смысле, «что отдельные моменты, по мере разворачивания общей картины, по мере объективного установления преступлений, совершенных этими лицами, она смотрит, не подлежит ли это под действие того или другого уголовного закона»⁵⁴.

На первый взгляд может показаться, что комиссия занималась банальной «подгонкой» тех или иных деяний фигурантов под соответствующие статьи уголовного законодательства. На самом деле, это была кропотливая, под стать исследовательской, работа по выявлению всевозможных нарушений, допущенных высшими должностными лицами государства. «Следователям нашим работа была не легка, – признавал Завадский, – одно дело – отправляться от факта, имеющего, по видимости, необходимые признаки преступления, и совсем другое – искать в делопроизводственных бумагах, не найдется ли какого-либо уголовно наказуемого деяния. Следователи тонули в бумажном море, но все же они делали какое-то дело, а иногда и удачно, потому что не все деятели старого порядка были безупречны и с точки зрения чисто криминальной»⁵⁵. Таким образом, следственная часть комиссии занималась материализацией в реальные статьи обви-

нения смутных предчувствий и эмоциональных предположений общественности относительно преступности царского режима и его главных действующих лиц.

Большинство критиков ЧСК считали, что основной целью комиссии стало выполнение идейно-политического заказа Временного правительства, а именно обоснование легитимации его власти. Впервые эту мысль в развернутом виде высказал рецензент многотомного издания «Падение царского режима» Н. Н. Рубинштейн. «“Узаконить” свое участие во Временном правительстве, – писал он, – можно было, уличив в “беззакониях” царское правительство. Нет никакого сомнения, что именно эта политическая задача и была поставлена перед Чрезвычайной следственной комиссией»⁵⁶.

Вслед за ним, развивая это положение, А. Я. Аврех призывал правильно понять политическую направленность работы ЧСК и учитывать одно решающее обстоятельство – исключительную двусмысленность положения, в котором оказались господствующие классы России в лице их партий и организаций, думского «Прогрессивного блока» и, наконец, утверждал: «...кадеты действительно доказывали, что Временное правительство вышло из трех “законных” и равноправных источников власти – революции, Думы и “старой власти”»⁵⁷. В данном случае последнее утверждение не вызывает сомнений. К тому же, об этом свидетельствовала и сама логика революционных событий, в результате которых пришло к власти Временное правительство. Вместе с тем, думается, что для доказательства и декларирования этого очевидного факта не было никакой необходимости создавать такое грандиозное учреждение, как ЧСК. «Но главное все-таки было в другом, – продолжал доказывать политическую подоплеку ЧСК Аврех, – в срочной необходимости тем же кадетам и октябристам легализовать себя в революции <...> необходимо было найти “правовое” обоснование буржуазно-помещичьей “революционности”, и оно было найдено в формуле: режим стал таков, что мог существовать и править лишь ценой нарушения собственных законов, ценой беззакония. Отсюда следовал главный вывод, который является исходной точкой во всей деятельности ЧСК: раз так, то представителей старого режима надо изобличать и судить только на основании существовавших при них законов. Эта установка полностью вытекала из политической и правовой концепции либералов. Теперь ее взяли на вооружение и социалист-революционер Керенский и Муравьев»⁵⁸.

Действительно, правовой парадигмой Временного правительства была приверженность соблюдению законов, которую Аврех почему-то приписывал исключительно либералам. В то же время критики этого подхода не приводят убедительных доказательств того, что эта концепция была ущербна. Просто-напросто, без каких-либо

убедительных доводов «советским исследователям, как в 20-х, так и в 90-х годах, – отмечала Т. А. Угримова, – были ясны “истинные” цели комиссии, заданные ей кадетами и октябристами: “легализовать себя в революции”, “поторопиться с легализацией революции”, “уличив в беззакониях царское правительство, одновременно оградить от суда царя”»⁵⁹.

Возможно, велико было искушение у некоторых, наиболее радикальных, представителей новой власти судить поверженных сановников империи по революционным (читай – карательным) законам. Но комиссии «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима <...>, – с удовлетворением констатировал Муравьев, – это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения с точки зрения комиссии, <...> было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не могли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории»⁶⁰.

Таким образом, позиция комиссии ставилась неузависимой именно с точки зрения адекватности и посудности совершенных правонарушений действующему законодательству. Если бы демократическое правосудие оперировало не существовавшими при самодержавии законами, тогда апологеты царизма могли бы во всеуслышание обвинить Временное правительство, следственную комиссию, а затем и суд в том, что применяемые ими правовые акты – это законы новой власти, в то время как подсудимые жили и работали при другом законодательстве, а значит, и не должны подпадать под юрисдикцию вновь принятых кодексов. Но, как видим, этот потенциальный козырь был выбит из рук оппонентов ЧСК – комиссия на всем протяжении ее существования всегда оставалась в правовом поле судебных уставов.

Например, в ходе расследования, связанного с вопросом об измене императрицы, ЧСК приняло специальное решение, в котором значилось: «Просить Милокова указать источники, которыми он пользовался для своей речи»⁶¹. Одно дело – «разоблачительные» популистские высказывания с парламентской трибуны лидера оппозиции, и совсем другое – беспристрастное доказательство юридического факта официальной следственной комиссией. Муравьев, понимая это, руководствовался в своей деятельности только нормами закона и результатами следственных действий.

Наряду с составлением обвинительного заключения одной из важнейших задач комиссии

явилась подготовка отчета о деятельности ЧСК Учредительному собранию. На расширенном заседании комиссии 28 июня с участием следователей и наблюдателей Муравьев объявил, что «Чрезвычайной следственной комиссией принято постановление о составлении отчета о ее деятельности, приуроченного к моменту созыва Учредительного собрания. В отчете было предложено сделать не только криминальные, но и политические выводы, к которым ЧСК пришла по отношению к отдельным представителям старого режима»⁶².

Подводя итоги деятельности ЧСК и развивая мысль о ее бесполезности, бывший сотрудник комиссии П. Е. Щеголев утверждал, что «...не чувствуя ни сил, ни возможности выполнить основную следственную задачу, комиссия направила свою деятельность в область, подведомственную скорее ученому историческому обществу, а не чрезвычайной следственной комиссии, – область исторического расследования, подбора письменных и устных свидетельств к истории падения режима. В этой области работа комиссии была много плодотворнее, чем в криминальной»⁶³.

Безусловно, в этом выводе есть доля истины. Вместе с тем, не следует забывать, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В пику знаменитому публицисту и пушкиноведу, а также всем разделявшим эту точку зрения, Муравьев утверждал, что комиссия вела «...широкое политическое расследование <...> мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач»⁶⁴. Отсюда видно, что никакого противоречия или противопоставления исторических и политических задач в работе Комиссии не было и не могло быть. Разрабатывая криминальную юрисдикцию действий высших царских сановников, комиссия параллельно с этим вела своеобразный мониторинг тех же проблем, но уже в историческом и политическом ракурсах.

Несомненно и то, что говорить о провале ее деятельности и о том, что комиссия не довела свою работу до логического конца – до предания суду царских сановников, – также не корректно. Общеизвестно, что ЧСК была сметена стихией большевистского переворота, так же как и само Временное правительство, учредившее ее. Можно лишь сожалеть о том, что Чрезвычайная следственная комиссия разделила печальную судьбу всех начинаний Временного правительства.

Примечания

¹ Полное официальное название этого органа: «Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомств (далее – ЧСК).

- ² *Карбачевский Н. П.* Что глаза мои видели: В 2 ч. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 123.
- ³ *Завадский С. В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 16.
- ⁴ *Карбачевский Н. П.* Указ. соч. С. 123.
- ⁵ *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе» (1914 г.). Семейный архив Волковых. Цит. по: «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 274.
- ⁶ См.: «Стой в завете своем...». С. 269.
- ⁷ *Демьянов А. А.* Моя служба при Временном Правительстве // Архив русской революции. Т. 4. С. 79–80.
- ⁸ «Молодая адвокатура» – неформальное общероссийское объединение (содружество) политических защитников. Это был «...небольшой, – уточняет Н. А. Троицкий, – сравнительно с общей численностью российской адвокатуры отряд защитников», выступивший за ее обновление и активное участие присяжных поверенных в борьбе с произволом и беззаконием властей в России на рубеже XIX–XX веков (подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 113).
- ⁹ «Стой в завете своем...». С. 7.
- ¹⁰ *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе». С. 274.
- ¹¹ Гражданин-Министр А. Ф. Керенский. Речи, беседы, письма. М., 1917. С. 13.
- ¹² *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе». С. 273–274.
- ¹³ Там же. С. 274.
- ¹⁴ Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 марта (далее – Вестник).
- ¹⁵ Весьма распространенное заблуждение относительно «партийности» Н. К. Муравьева. Кстати, известный советский историк А. Я. Аврех, вслед за А. А. Блоком, также утверждал, что Муравьев считал себя «социалистом» (подробнее см.: *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение. // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 72; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 304.).
- ¹⁶ *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 89.
- ¹⁷ См.: *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ См.: Вестник. 1917. № 7. 12 марта.
- ¹⁹ *Демьянов А. А.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁰ Вестник. 1917. № 7. 12 марта.
- ²¹ Вестник. 1917. № 76. 10 июня.
- ²² См.: *Сидоров А. Л.* Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 144.
- ²³ *Розенталь И. С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 190.
- ²⁴ *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде

- Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- 25 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–22.
- 26 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 27 *Завадский С. В.* Указ соч. С. 44.
- 28 *Корнев С. А.* Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших Министрах // Архив русской революции. Т. 7. С. 15.
- 29 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 139. Иванов Сергей Валентинович (1852–1925) – известный юрист и общественный деятель, тайный советник, сенатор. В 1913–1917 гг. – председатель Петербургской городской думы.
- 30 Там же. Д. 134. Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) – крупный судебный деятель, тайный советник, сенатор. В должности товарища председателя ЧСК с 8 марта 1917 г. Вышел из состава комиссии 16 мая 1917 г. Официальная версия ухода – по болезни. С 1921 г. – в эмиграции.
- 31 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. // «Стой в завете своем...». С. 105.
- 32 *Кафафов К. Д.* Указ. соч. С. 88.
- 33 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 105–106.
- 34 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 35 *Блок А. А.* Дневник. М., 1989. С. 243.
- 36 Министры юстиции Временного правительства: А. Ф. Керенский (2 марта – 5 мая), П. Н. Переверзев (5 мая – 6 июля), И. Н. Ефремов (10 – 21 июля), А. С. Зарудный (25 июля – 1 сентября), П. Н. Малянтович (25 сентября – 25 октября). Причем все они, кроме Ефремова, принадлежали к синергии «молодая адвокатура».
- 37 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 107.
- 38 *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 338.
- 39 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 40 Цит по.: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 41 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 104.
- 42 Вестник. 1917. № 7. 12/25 марта.
- 43 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 75.
- 47 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 69об.
- 48 Цит. по: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 49 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 50 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 51 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 52 Название «Верховная», думается, более точно отражало ее статус и предназначение, но, как известно, по прихоти Керенского она была переименована в «Чрезвычайную».
- 53 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 54 Там же.
- 55 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Рубинштейн Н. Н.* Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства // Пролетарская революция. 1927. № 1 (60). С. 240.
- 57 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 76.
- 58 Там же.
- 59 «Стой в завете своем...». С. 289.
- 60 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 61 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Имелась в виду думская речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой он обвинил Б. В. Штюмерера прямо, а царицу косвенно в «измене».
- 62 Там же. Д. 2. Л. 64.
- 63 Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXIV.
- 64 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».

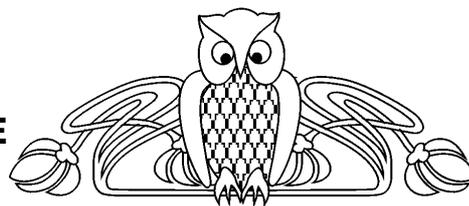
УДК [338.45:629.114.2](470.45–25)(09) «1928/1932»

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНИКИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет,
кафедра Российской цивилизации
E-mail: albert25@yandex.ru

Одним из символов первой пятилетки стал человек в рабочей спецовке Сталинградского тракторного завода, в буднях великой стройки преобразующий страну и одновременно самого себя, подгоняя «время вперед». В проблемах строительства и освоения новой техники на тракторном заводе, как в зеркале, отразились

все противоречия и сложности ускоренной индустриализации в годы первой пятилетки.

Problems of Development of New Mechanics on Stalingrad Tractor Factory within the First Five-year Period

V.A. Cholakhyan

The person dressed in working special clothes of Stalingrad tractor factory became one of the symbols of the first five-year period. In everyday lives of great construction he was changing the country and